

16. Кулишер, И. М. История экономического быта Западной Европы: в 2 т. / И. М. Кулишер. – 9-е изд. – Челябинск: Социум, 2004. – Т. 1: Средние века. – 412 с.

17. Умарова, М. А. Гильдия как прообраз общественного объединения в средневековой Европе: вопросы правового регулирования / М. А. Умарова // Colloquium-journal. – 2019. – № 27. – С. 207–208.

18. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1974. – 63 с.

19. Павроз, А. В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние / А. В. Павроз // Социология и политология. – 2009. – № 24. – С. 50–61.

(Дата подачи: 16.02.2022 г.)

П. А. Баракхвостов

Белорусский государственный экономический университет, Минск

P. Barakhvostov

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 1:304.5

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО ФРОНТИРА

THE PECULIARITIES OF THE FORMATION AND EVOLUTION OF THE RUSSIAN FRONTIER

Выявлены и охарактеризованы основные этапы эволюции русского фронта. Показано, что особенности его преобразования, а именно государственное управление фронтными процессами, определяются типом российской институциональной матрицы с доминированием редистрибутивных институтов. Вместе с тем пространственная удаленность новых территорий, их выраженная экономическая специализация и слабая заселенность автохтонным населением обусловили укрепление здесь рыночных институтов и, как следствие, возникновение пространственной неоднородности российской институциональной матрицы и диффузии рыночных институтов из периферии в центр Российского государства. Последствиями политики властей по сдерживанию рыночных институтов явились вяло текущая дефронтализация и, как результат, возникновение «подушки» колонизации – наличие огромного числа слабо заселенных и неосвоенных ресурсов богатых территорий. В конечном счете, это обусловило выбор экстенсивного пути развития, причем подобная ориентация сохранилась даже в XX веке.

Ключевые слова: фронт; базовые институты; институциональная матрица; колонизация, Российская империя.

Herein, the main stages of the Russian Frontier's evolution are revealed and characterized. It is shown that the peculiarities of its transformation, namely, state management of frontier processes, are due to the type of the Russian institutional matrix, in which redistributive institutions are dominant. However, the remoteness of new territories, their pronounced economic specialization, and sparse population density led to the reinforcement of market institutions and,

consequently, the emergence of territorial heterogeneity and periphery-to-center diffusion of market institutions in the Russian institutional matrix. The results of the government's policy of market institution containment were in defrontierization and the creation of the colonization «pillow» – a large number of sparsely populated, but rich in resources, territories. In the end, this conditioned the choice of extensive development, preserved even in the XX century.

Keywords: frontier; basic institutions; institutional matrix; colonization; Russian Empire.

Геополитические и геоэкономические трансформации последних десятилетий актуализировали проблему исследования фронтиров и их роли в генезисе и взаимодействии социальных систем. Существует множество определений данного концепта. В соответствии с классическими работами Ф. Дж. Тернера [1], фронтир – это особый вид границы, осуществляющей как пространственное, так и социокультурное разделение. Р. Биллингтон трактует фронтир как «географический регион... где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального и экономического статуса мелких собственников» [2]. И. Я. Левяш отмечает, что «фронтир – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» [3, с. 194]. В отличие от межгосударственной четко выраженной границы, это «размытая область переменной ширины» [4], характеризуемая культурной мозаичностью, «неустойчивым равновесием» [5, с. 82], особыми социальными условиями. Фронтиры – это «своеобразные инкубаторы для формирования и развития новых обществ» [6, р. 14].

Фронтир обладает пространственно-темпоральными характеристиками, являясь одновременно историческим процессом и определенным пространством [7].

Следует отметить, что данный термин в отечественной и российской науке начал применяться относительно недавно, впервые – в отношении истории освоения Сибири и Дальнего Востока [5, 8–12], впоследствии – при исследовании расширения Российской империи на юго-восток [12–17]. Однако, несмотря на повышенный интерес к данной проблематике, ряд вопросов остается слабо изученным. Среди них – факторы, определяющие характер эволюции этой «зоны неопределенности». Решению данной проблемы и посвящена настоящая работа, в которой анализируется феномен фронтира в азиатской части России.

Методологической основой настоящей работы является исторический неонституционализм, в соответствии с которым общество представляет собой целостное интегрированное образование взаимосвязанных и взаимозависимых равнозначных подсистем – экономической, политической, социокультурной [18]. Вся структура регулируется сложной системой институтов, в которой можно выделить базовые экономические, политические и социокультурные институты, формирующие институциональную

матрицу [19]. Наличие фронта в пространстве, занимаемом социумом, обуславливает трансформацию его институциональной матрицы.

Несмотря на несинхронность фронтальных процессов в азиатской части России (различные времена формирования и скорости изменения), в эволюции каждого фронта можно выделить несколько фаз (стадий). Пре-стадией (необходимым условием) формирования фронта является возникновение «вакуума», отсутствие четких границ, что обуславливает возможность расширения занятого социальной системой пространства. Южные и восточные рубежи Московского государства в период его становления не были четко очерчены вследствие соседства с ним племенных группировок кочевых и полукочевых народов. Московия не могла защититься от постоянных набегов кочевников, наносивших непоправимый экономический ущерб, уводивших в рабство молодое, трудоспособное население. Вследствие этого формирование русского фронта было обусловлено не столько возможностью экспансии, сколько необходимостью обеспечения безопасности своих рубежей.

Первая стадия фронтализации – формирование военного фронта. Начиная со второй половины XVII в., власти Московского государства вкладывали огромные средства в постройку укрепленных линий (форпостов) на южных и восточных рубежах. Это, в свою очередь, привело к переселению на земли, «огороженные» укреплениями, казаков и крестьян. Зона фронта оказалась областью соприкосновения различных жизненных укладов – оседлого (земледельческого) и кочевого (скотоводческого), что неизменно порождало конфликты. Однако это не приводило к «тотальной зачистке» местного населения российскими властями. Особенностью российского подхода было постепенное превращение форпостов военного назначения в административные центры с целью утверждения позиций империи в регионе.

Второй стадией фронтализации стало оформление юридического статуса фронтальных территорий и установление особых военизированных форм управления. Примером тому является «Устав о сибирских киргизах» от 22 июля 1822 г. [20], который способствовал систематизации принципов управления Степным краем, судопроизводства, социально-экономических отношений. Предполагалось «расширение» фронта: статус форпостов постепенно должен был перейти от крепостей, расположенных на Сибирской линии, к административным единицам внутри Степного края – окружным приказам. Для осуществления этой задачи была учреждена новая административно-территориальная единица – Омская область. На ее территории предусматривалось нахождение постоянных и иррегулярных войск, а глава области наделялся гражданскими, военными и дипломатическими полномочиями (в круг его задач были включены: проведение пограничных линий между Омской областью и Томской и Тобольской губерниями, организация внутренних округов и их разграничение, формирование системы внешних округов).

На территориях русского фронта формировался стиль управления, отличный от такового в центральной России: здесь чиновникам разрешалась значительно большая самостоятельность в решении местных вопросов. Отметим, что особенностью имперского управления являлось отсутствие единого центрального органа для управления всеми фронтными территориями в Азии [21].

Третья стадия фронтиризации – перенесение (трансплантация) на новые территории экономических институтов редистрибутивного типа, доминировавших в институциональной матрице России¹. В частности, Сибирский приказ² исправно собирал как ясачные³, так и неясачные налоги и сборы. Ясачные сборы рассматривались как источник чистого государственного дохода. В Сибирь же ежегодно высылалось хлебное и денежное жалование, равное по величине неясачным сборам и налогам, поступающим из Сибири в центр от таможенных сборов.

Вместе с тем особенности экономических взаимоотношений центра и фронтных территорий, обусловленные пространственной удаленностью и выраженной экономической специализацией последних, привели к укреплению рыночных институтов⁴ на новых землях, т. е. к возникновению локальной пространственной неоднородности российской институциональной матрицы и, как следствие, диффузии рыночных институтов из периферии в центр Российского государства. Начиная с царствования Алексея Михайловича производственно-коммерческая часть Сибирского приказа начала дробиться на подразделения (палаты) в соответствии с выполняемыми функциями: Расценная, Купецкая, Казенная, Скорняшная. Палата координировала деятельность широкой сети агентов и штат экспертов мехового дела. Дело приемки, оценки, учета поступающей пушнины было отлажено до мелочей. Была создана разветвленная система сбыта, реагирующая на объемы поступлений и спроса [23, с. 29–31].

Четвертая стадия фронтиризации – перестройка социокультурных институтов. Главным механизмом, задействованным при этом российскими властями, стало насаждение русского православного элемента. Центральными фигурами русской колонизации стали казак, крестьянин и ссыльный. При этом, в отличие от американского фронта, данным процессом руководили не частные фирмы, а государство, что определяется доминирующими институтами российской институциональной матрицы. Государство

---

¹ К редистрибутивным экономическим базовым институтам относятся: редистрибуция (аккумуляция – согласование – распределение) в качестве институтов обмена, общественно-служебная собственность, общественный/служебный труд и жалобы в виде обратной связи [22].

² Орган центрального управления сибирскими землями.

³ Ясак – натуральный налог, главным образом пушшиной.

⁴ К рыночным экономическим базовым институтам относятся: отношения купли-продажи, частная собственность, наемный труд и прибыль как институт обратной связи [22].

регулировало укомплектование штатов административных учреждений, размещение русских населенных пунктов (как правило, отделенных от мест проживания местного населения и расположенных в стратегически важных местах – вдоль трактов и пограничных линий), создавало для русских переселенцев защитную инфраструктуру.

Тем не менее возникший социокультурный фронт не был непрозрачным вследствие демографических «перекосов» (превышения мужского населения, что обуславливало «смешанные» браки), а также задействованного российскими властями механизма социализации (частичного вовлечения местного населения в управление территориями, обучение в российских школах).

За Уралом самодержавие отказалось от крепостнического варианта закрепления новых земель за империей, использования помещика в качестве основного действующего лица колонизации. Здесь не было крепостного права. Законы колонизации требовали от ее участников предприимчивости, личной инициативы, способствуя тем самым появлению и распространению элементов субсидиарного мировоззрения – рыночных социокультурных институтов, и, как следствие, пространственно-локальной трансформации российской институциональной матрицы.

Пятая стадия эволюции фронта – эрозия фронтальных признаков (дефронтализация). Главной целью данного этапа была окончательная интеграция фронта в общеимперское пространство. Для выполнения этой задачи задействовались различные инструменты. Среди них особое место занимало создание развитой инфраструктуры, в первую очередь за счет строительства железных дорог. Примечательно, что Россия, в отличие от Америки, делала упор на их линейную протяженность, а не на разветвленность. Административные пункты располагались, как правило, вдоль железнодорожной магистрали.

Важное значение имела интенсификация руководимой государством русской колонизации. Инструментом ее осуществления стало Переселенческое управление, созданное в 1896 г. в составе Министерства внутренних дел. С 1905 г. оно вошло в состав Главного управления землеустройства и сельского хозяйства.

На дальневосточных землях апробировались новые колонизационные технологии, характеризующиеся высокой степенью участия государства, что проявлялось в государственном субсидировании планового заселения на этих территориях православного населения и морских перевозок Добровольческого флота.

Удаленность от центра обусловила развитие структур местного самоуправления, которому предоставлялись значительно большие права, чем в центральных российских губерниях.

Тем не менее процесс дефронтализации осуществлялся крайне медленно, главным образом из-за малонаселенности фронтальных территорий, что требовало более активного задействования механизма стимулирующей

обусловленности. В качестве его инструментов П. А. Столыпиным было предложено распространить в Сибири права собственности на землю (закрепление рыночного института). Однако данное предложение, которое в случае его реализации обусловило бы значительную трансформацию редистрибутивной институциональной матрицы с доминированием идеи общественного интереса над личным, было отвергнуто, поскольку такое землеустройство «прикрепит старожила к месту и тем лишит его возможности выполнять свою культурную задачу» [24, с. 44] по освоению новых территорий.

И все-таки рыночные институты на этих землях формировались. С 1908 г. сибирским переселенцам отводят земельные участки не только для общинного владения, но и под хуторы. В общинах с уравнительным переделом начинаются размежевание земель и передача их в индивидуальное владение. Отметим, что процесс разложения общинного землевладения в Сибири проходил значительно быстрее, чем в России.

Наличие обширных, богатых ресурсами (и, следовательно, экономически перспективных) фронтальных территорий в азиатской части России, где развивались и укреплялись рыночные институты, обусловило возникновение к концу XIX в. пространственной неоднородности российской институциональной матрицы, что, вообще говоря, чревато развитием кризиса. Это вызвало колебание самодержавия: с одной стороны – для колонизации нужно крестьянство, с другой – нельзя допускать укрепления рыночных институтов, в частности вводить здесь право собственности на землю. Последствия подобной политики – вялотекущая дефронтализация и, как результат, возникновение «подушки» колонизации – наличие огромного числа слабо заселенных и неосвоенных, богатых ресурсами территорий. В конечном счете это обусловило выбор экстенсивного пути развития, причем подобная ориентация сохранилась даже в XX в., когда решение вопроса о продовольственной безопасности увязывалось с необходимостью освоения целины.

В заключение отметим, что наличие обширных фронтальных территорий на юго-востоке и востоке оказало колоссальное влияние на исторический путь России. «Расширение» вглубь Евразийского континента, все дальше от моря, обжитых территорий, перекрестков западноевропейской цивилизации привело к слабой вовлеченности в международное разделение труда и слабому трансферу передовых западных технологий, особому, российскому типу модернизации.

Список использованных источников

1. *Turner, F. J.* The Significance of Sections in American History [Electronic resource] / F. J. Turner. – Mode of access: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>. – Date of access: 15.01.2021.

2. *Billington, R. A.* America's Frontier Heritage / R. A. Billington. – University of New Mexico Press, 1975. – 320 p.

3. *Левяш, И. Я.* Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты / И. Я. Левяш // Диалог культур в эпоху глобальных рисков / под ред. А. В. Данильченко. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 193–196.

4. *Seemple, E. C.* Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthro-geography [Electronic resource] / E. C. Seemple. – Mode of access: <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>. – Date of access: 15.01.2021.

5. *Замятина, Н. Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 75–88.

6. *Kopytoff, I.* The African Frontier: the Reproduction of Traditional African Societies / I. Kopytoff. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1987. – 213 p.

7. *Якушенков, С. Н.* На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят / С. Н. Якушенков // Journal of Frontier Studies. – 2016. – № 4. – С. 7–32.

8. *Скобелев, С.* Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра / С. Скобелев // Ab Imperio. – 2002. – № 2. – С. 149–190.

9. *Тихонов, А. А.* Фронтир Сибирский и Американский: точки зрения [Электронный ресурс] / А. А. Тихонов // Материалы научно-практической конференции «Вагановские чтения – 2010». – Режим доступа: http://samlib.ru/t/tihonov_zh_grianiy/frontirsibirskijamerikanskijtochkizrenija.shtml. – Дата доступа: 20.01.2022.

10. *Зуев, А. С.* Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии / А. С. Зуев // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – 1999. – Вып. 1. – Новосибирск: Изд-во НГУ. – С. 124–136.

11. *Ledonne, J.* The Frontier in Modern Russian History / J. Ledonne // Russian History. – 1992. – V. 19. – № 1/4. – P. 143–154.

12. *Буканова, Р. Г.* Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. / Р. Г. Буканова, З. А. Тычинских, С. Р. Муратова // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 4. – С. 89–95.

13. *Якушенков, С. Н.* Американский фронт и российские аналоги в Поволжье и на Нижней Волге / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 1. – С. 109–114.

14. *Романова, А. П.* Межкультурные коммуникации на фронте и вне фронта (сравнительный анализ) / А. П. Романова, М. С. Топчиев, Е. А. Саракаева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 3. – С. 298–303.

15. *Khodarkovsky, M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800 / M. Khodarkovsky. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2002. – 304 p.

16. *Мизис, Ю. А.* Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII века / Ю. А. Мизис, О. В. Скобелкин, А. И. Папков // Вестник ТГУ. – 2015. – Т. 20. – № 10. – С. 7–15

17. *Хайдов, И. М.* Русский фронт на Тереке: фронтальная идентичность терских казаков в первой половине XIX в. / И. М. Хайдов // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2020. – № 3. – С. 54–58.

18. *Парсонс, Т.* Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества / Т. Парсонс // Американская социо-

логическая мысль. – М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 462–525.

19. *Кирдина, С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию / С. Г. Кирдина. – СПб.: Нестор История, 2014. – 468 с.

20. Устав о сибирских киргизах. Закон 29127 [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. – Режим доступа: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=417&part=177. – Дата доступа: 21.01.2022.

21. *Сандерленд, В.* Министерство азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство / В. Сандерленд // *Imperium inter pares: Роль трансфертов в российской империи* / под ред. М. Ауста, Р. Вильпиус, А. Миллера. – М.: НЛО, 2010. – С. 21–39.

22. *Барахвостов, П. А.* Трансформация институциональной матрицы Великого княжества Литовского в составе Российской империи / П. А. Барахвостов // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки.* – 2020. – № 4. – С. 53–64.

23. *Зубков, К. И.* Сибирский приказ как институт регионального управления (XVII–XVIII вв.) / К. И. Зубков // *Уральский исторический вестник.* – 2015. – № 4(49). – С. 26–35.

24. *Островский, И. В.* Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма / И. В. Островский. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. – 309 с.

(Дата подачи: 15.02.2022 г.)

С. В. Венедиктов

Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь, Могилев

S. Venidziktau

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Belarus, Mogilev

УДК 007

ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН ЭПОХИ ПОСТПАНДЕМИИ

DIGITAL CIVIL SOCIETY AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON OF THE POST-PANDEMIC ERA

В статье анализируются изменения в системе доминирующих практик гражданского взаимодействия, обусловленные реалиями информационного общества. Приводится определение цифрового гражданского общества, выявляются его специфика и функциональные характеристики. Показано влияние эпохи постпандемии на формирование матрицы критериев цифровой гражданской ответственности, среди которых называются способность к информационной солидаризации и стремление к формированию информационного иммунитета. Цифровое гражданское общество рассматривается в качестве